

*М. В. Ковалев
(Саратов)*

**Проблемы истории древнерусского искусства
в искусствоведческом наследии
Н. Е. Андреева¹**

Творчество замечательного русского ученого-гуманитария Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) давно получило заслуженное признание в мире, но по сей день оно почти неизвестно в России². Н. Е. Андреев вошел в мировую науку прежде всего как незаурядный историк, автор многочисленных работ по истории русской культуры XVI–XVII вв., которые получили широкое признание среди исследователей разных стран мира.

Н. Е. Андреев родился 13 марта 1908 г. в учительской семье, недалеко от Санкт-Петербурга. В 1919 г. семья Андреевых, ища спасения от голода и разрухи, перешла эстонскую границу и навсегда простилась с Россией.

Н. Е. Андреев получил образование в таллинской русской гимназии. Уже в гимназические годы ярко проявились его творческие способности. Он серьезно увлекся литературным творчеством и пронес это увлечение через всю свою жизнь. Но главное, еще подростком Н. Е. Андреев проявил страстный интерес к русской культуре, изучение которой впоследствии станет смыслом его жизни.

Его научная карьера началась в Праге, куда он приехал в 1927 г. для продолжения образования. Аттестат с отличием позволил ему без экзаменов поступить на философский факультет Карлова университета.

¹ Я бесконечно благодарен Е. Н. Андреевой (Оксфорд), дочери Н. Е. Андреева, за предоставленную мне возможность познакомиться с воспоминаниями ее отца и исследованиями о его жизненном пути.

² Наиболее полная на сегодняшний день библиография трудов Н. Е. Андреева опубликована в: Poetry, prose and public opinion: Aspects of Russia 1850–1970. Essays presented in memory of Dr. N. E. Andreyev / Ed. by W. Harrison, A. Pyman. Letchworth, 1984. P. 1–18.

В 1920-е гг. Прага была признанным интеллектуальным центром русского рассеяния. Здесь сложилась развитая сеть учебных заведений, издательств, архивных собраний, культурно-просветительских обществ и научно-исследовательских объединений. Среди последних особое место занимал основанный в 1925 г. Семинар имени Н. П. Кондакова (с 1931 г. — Археологический институт), в работе которого принимали участие как исследователи-эмигранты, так и видные иностранные ученые. Его целью стало изучение истории Византии, Востока и славянства, взаимосвязи между различными культурами с особым вниманием к истории искусства. Семинар пользовался значительной поддержкой со стороны чехословацких властей. На его базе в 1928 г. президент республики Т. Масарик учредил две стипендии для молодых русских исследователей. Это правительственное решение совпало со стремлением «кондаковцев» привлечь к своей работе молодых эмигрантов. Одним из них и оказался Н. Е. Андреев. Директор Семинара профессор А. П. Калитинский обратил внимание на талантливую студента и в ноябре 1928 г. предложил его кандидатуру на соискание стипендии. Так начался исследовательский путь Н. Е. Андреева.

Вскоре молодой ученый начал работу над диссертацией, тема которой была подсказана ему известным археологом и историком искусства Н. П. Толем. Он предложил Н. Е. Андрееву изучить интересный литературный памятник XVI в. «Розыск о сомнениях дьяка Висковатого» (более известный как «дело дьяка Висковатого»), в котором ярко отразилась идейная борьба эпохи и, в частности, споры о путях развития русской иконописи. В этом довольно запутанном «деле» тесно сплелись вопросы политики, религии и искусства.

Н. Е. Андреев увлеченно принялся за работу. В конце 1931 г. на собрании Института он выступил с развернутым сообщением о предварительных результатах своих научных изысканий. Его доклад вызвал одобрительные отзывы со стороны старших коллег. Авторитетные русские историки — А. В. Флоровский, Н. Л. Окунев, Е. Ф. Максимович, — несмотря на некоторые критические замечания, единодушно отметили смелость мысли молодого ученого и методологическую новизну его исследования, глубокое понимание им особенностей развития русского искусства в XVI в. на фоне коренных изменений, происходивших в Московском государстве³.

В 1932 г. диссертация была представлена комиссии Карлова университета, а часть ее опубликована в международном научном сборнике «Seminarium Kondakovianum»⁴. После сдачи устных экзаменов 30 июня 1933 г.

³ См.: Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Таллин, 1996. Т. 1. С. 312–313.

⁴ См.: Андреев Н. Е. О «деле дьяка Висковатого» // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1932. Т. V. С. 191 — 242.

Н. Е. Андрееву была присуждена ученая степень доктора философии, а Институт имени Н. П. Кондакова избрал его действительным членом.

Докторская диссертация Н. Е. Андреева открыла цикл его работ, посвященных судьбе иконы в Московской Руси. В ней он обозначил важное и малоизученное исследовательское направление — отражение идейных споров XVI—XVII вв. в иконописном искусстве. Впрочем, интерес Н. Е. Андреева к этим сюжетам был вполне закономерен. Достаточно вспомнить, что и сам академик Н. П. Кондаков, и некоторые его ученики занимались исследованием христианской иконографии. Отчасти продолжив исследовательскую линию Н. П. Кондакова, Н. Е. Андреев заинтересовался происхождением мистико-дидактических сюжетов в русской иконописи.

Исследовательский дебют Н. Е. Андреева стал заметным событием в научной жизни Зарубежной России. Первая работа молодого историка получила немало благожелательных отзывов и удостоилась похвалы многих видных русских ученых — А. П. Калитинского, В. В. Вейдле, А. А. Васильева, А. Н. Грабара. Горячо одобрил его исследование знаменитый британский археолог сэръ Э. Миннс, им заинтересовались даже в Ватикане⁵.

В чем же причина столь крупного успеха? Ведь «дело дьяка Висковатого», несколько раз опубликованное в XIX в. П. М. Строевым и О. М. Бодянским, было хорошо известно историкам. На него обращали большое внимание как историки искусства (Ф. И. Буслаев, Н. В. Покровский, В. Н. Щепкин, П. П. Муратов), так и специалисты в области политической истории (С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, В. С. Иконников, И. Н. Жданов). Но никто из них не проводил всестороннего анализа этого примечательного памятника русской мысли XVI в. Сам Н. Е. Андреев сетовал, что его предшественники ограничивались рассмотрением лишь фактического содержания «дела», обращая мало внимания на его идейно-философскую глубину⁶. Он же, наоборот, сделал упор на его идеологическую направленность. В центре внимания ученого оказались воззрения Висковатого и его современников на религиозное искусство. Работа Н. Е. Андреева стала новаторским соединением идейных проблем XVI в. и иконографического материала.

Здесь следует кратко напомнить о сути самого «дела» дьяка Висковатого, рассматривавшегося церковным собором в Москве в 1553—1554 гг. Формальным его поводом послужило недовольство дьяка отклонением новгородских и псковских мастеров от привычных иконографических

⁵ Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Т. 1. С. 314.

⁶ См.: Андреев Н. Е. О «деле дьяка Висковатого». С. 193.

канонов. Эти мастера были приглашены для восстановительных работ в Москву после опустошительного пожара 1547 г. Висковатый всенародно выступил с критикой новых икон.

В ходе горячих споров он выдвинул ряд интересных суждений об иконописании. Так, Висковатый заявил о недопустимости изображения Бога-Отца, невозможности писания икон по пророческим видениям и т. д. Дьяк был сторонником исторически правдивых изображений и призывал избегать аллегорий. Он считал новые мотивы чуждыми православной традиции, тем самым провозглашая борьбу с мистико-дидактическим направлением иконописи. По словам Н. Е. Андреева, выступление дьяка обнаружило его большую интуицию, «ясное понимание духа и смысла церковной живописи»⁷.

Оппонентами Висковатого на соборе выступили Сильвестр и митрополит Макарий, которые доказывали приверженность новгородской и псковской иконописи византийским канонам. Участие в спорах столь видных государственных деятелей придавало ему особую остроту.

Важно иметь в виду, что еще Е. Е. Голубинский указал на политическую подоплеку «дела». Н. Е. Андреев придал его догадке весомое обоснование. Противостояние Сильвестра и Висковатого он воспринимал не просто как спор об иконах, но как важный эпизод борьбы внутри царского окружения между сторонниками и противниками единодержавия. В ней Висковатый выступил поборником московского самодержавия, а Сильвестр — «олигархического правления»⁸.

Н. Е. Андреев допускал, что, выступая против новых веяний в иконописи, Висковатый хотел напомнить царю о мятежном новгородском духе, о том, что Новгород является источником религиозного брожения и соприкасается с Западом. Не случайно западноевропейская ориентация Сильвестра вызывала резкое недовольство дьяка.

Спор кончился поражением Висковатого, хотя его позиция выглядела более последовательной, аргументированной и убедительной, нежели у Макария и Сильвестра.

Н. Е. Андреев видел основную положительную черту выступления Висковатого в том, что он оказался «одним из первых на русской почве сторонников критического просмотра византийского художественного наследия, оказавшись при этом наделенным ясным пониманием смысла церковного искусства»⁹.

⁷ Там же. С. 219.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ Там же. С. 240.

Вслед за диссертацией в середине 1930-х гг. Н. Е. Андреев опубликовал две ценные работы об иконографических спорах XVI в.¹⁰ Желая глубже понять позицию оппонентов Висковатого, он посвятил специальную статью взглядам митрополита Макария на религиозное искусство. Жизнь и деятельность этого выдающегося церковного деятеля были хорошо изучены в научной литературе, однако никто из исследователей не обращал специального внимания на религиозно-эстетические взгляды митрополита. Н. Е. Андреев же попытался сквозь призму его личности осознать отношение к религиозному искусству в Московском государстве, проанализировать взгляды ближайшего окружения Ивана IV на иконопись, выявить иконографические тенденции эпохи и их идейное обоснование.

По мысли Н. Е. Андреева, митрополит Макарий, игравший ведущую роль в церковной жизни эпохи, выступал проводником новых веяний в религиозном искусстве, шедших в Москву с западных окраин. Лично участвуя в восстановлении и перестройке столицы после пожара 1547 г., он стал «организатором и идеологом искусства Москвы»¹¹. В искусстве, создаваемом Макарием и его окружением, Н. Е. Андреев обнаруживает множество западноевропейских черт, которые так взволновали Висковатого. Но, в отличие от дьяка, Макарий был далек от глубокого идейного обоснования религиозного искусства. Его иконографические взгляды в большей степени сформировались под влиянием собственного иконописного опыта. Не случайно, что митрополиту было свойственно не критическое отношение к иконописным новшествам. Вполне убедительно звучит вывод Н. Е. Андреева, что Макарий как деятель религиозного искусства был характерной личностью «для той переломной эпохи русской иконописи, когда расширялось ее содержание, вводились новые темы, проявлялись новые тенденции в понимании иконописания, постепенно осваивались <...> чужеземные, идущие „из латын“, веяния»¹².

В поле зрения Н. Е. Андреева попало примечательное богословско-полемическое сочинение инок Зиновия Отенского «Истины показание к вопросившим о новом учении», написанное в 1560-х гг. В нем книжник прямо коснулся вопросов иконописания. Сочинение Зиновия Отенского, по мысли Н. Е. Андреева, служило ярким примером рассуждений о значении иконы в культуре Московской Руси. Его доводы наглядно характеризуют позицию защитников традиционной иконописи перед лицом

¹⁰ Андреев Н. Е. 1) Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1935. Т. VII. С. 227–244; 2) Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании // Там же. 1936. С. 259–277.

¹¹ Андреев Н. Е. Митрополит Макарий... С. 236.

¹² Там же. С. 244.

новшества, идущих с Запада. Но даже этот средневековый интеллектуал был не в силах повлиять на естественный ход развития искусства. Пример Зиновия служил для Н. Е. Андреева доказательством того, что никакие возражения уже не могли остановить нововведений, проникавших в русскую иконопись, «мистико-дидактические темы, отвечая, очевидно, потребности „богословских размышлений в красках“, входили в русскую иконопись уже стихийно»¹³.

Тщательный разбор «дела» дьяка Висковатого, споров русских книжников об иконописных новшествах поставил перед Н. Е. Андреевым вопрос о западноевропейском влиянии на религиозное искусство.

Он высказал смелую гипотезу, что форпостом западного влияния на русское религиозное искусство был Псков, что именно псковские мастера принесли иконописные новшества в Москву. Но как проверить это предположение? Ведь для историка-эмигранта поездка в Псков да и вообще в СССР была невозможной. Единственным доступным для Н. Е. Андреева памятником XVI в. был Псково-Печерский монастырь, располагавшийся в межвоенный период на территории Эстонии.

Ученый предположил, что именно этот монастырь выступил посредником в межкультурном диалоге России и Запада. В поисках иконописных композиций, в которых прослеживалось бы западное влияние, летом 1937 г. он отправился в Эстонию. Эта поездка стала возможной исключительно благодаря щедрой финансовой помощи знаменитого американского летчика Ч. Линдберга, который незадолго до этого посетил Прагу и побывал в Институте имени Н. П. Кондакова. Своей поездкой Н. Е. Андреев намеревался подчеркнуть необходимость изучения региональной специфики русской иконописи.

В Эстонии он познакомился с известным писателем Л. Ф. Зуровым. Несмотря на разность характеров, оба исследователя нашли общий язык. Л. Ф. Зуров изучал этнографию Печерского края и помог Н. Е. Андрееву в общении с местным населением, нравы и обычаи которого хорошо знал.

В Псково-Печерском монастыре Н. Е. Андреев обследовал собрание икон и познакомился с переписными книгами XVII в. в монастырском архиве. Но никаких следов западного влияния, новых иконописных композиций ему обнаружить не удалось. Проанализировав все доступные ему письменные и иконографические источники, Н. Е. Андреев пришел к выводу, что монастырь возник как форпост московского влияния на Псковщине. Он стал проводником великокняжеской политики в регионе, хотя на самой Псковщине существовали все возможности для введения в русскую иконопись западноевропейских новшеств, откуда они затем через

¹³ Андреев Н. Е. Инок Зиновий Отенский... С. 277.

Москву разошлись по Руси¹⁴. В пользу его гипотезы говорил тот факт, что после присоединения Пскова в 1510 г. монастырь попал под влияние дьяка великого князя Московского М. Г. Мисюря-Мунехина. Именно он придал Псково-Печерскому монастырю промосковский характер. Неудивительно, что в его консервативную среду не могли проникнуть западные новшества.

Н. Е. Андреев также познакомился с памятниками в Нарве, Изборске, Посаде Черном, Труворовом городище. Чешский фотограф Ф. И. Дедич помог ему сделать цветные фотографии русских икон. В тот период изготовление цветных фотоснимков с технической стороны было весьма непростой задачей, доставлявшей немало хлопот историкам и искусствоведам.

В конце 1937 г. по предложению Н. П. Толя Андреев подготовил статью «Иван Грозный и иконопись», в основу которой лег собранный в Эстонии материал. Это был своеобразный ответ на складывавшийся в СССР культ Грозного с преувеличением роли царя во всех сферах политики и культуры. Справедливости ради нужно отметить, что Н. Е. Андреев никогда не разделял взглядов русской либеральной историографии на царствование Грозного со свойственным ей обличением царской тирании. Ему была ближе концепция Р. Ю. Виппера, оценивавшего политику Грозного как тенденцию эпохи.

Вопрос об отношении царя к искусству, о его эстетических взглядах не нашел должного освещения в историографии. Н. Е. Андреев попытался отчасти восполнить этот пробел, хотя для существенного разрешения проблемы ему явно не хватало иконографического материала. Его внимание привлекли росписи Золотой палаты в Московском Кремле. Проникновение в них аллегорических композиций Н. Е. Андреев объяснил влиянием на молодого царя библейско-византийских представлений о власти, апологетами которых выступали Макарий и Сильвестр. Дидактические композиции, в частности образ Иисуса Навина, истребляющего врагов, были в духе царствования Грозного¹⁵. Проанализировав композиции росписей, Н. Е. Андреев пришел к выводу, что над ними работали мастера с западнорусских окраин. В росписях царских палат в Кремле исследователь усмотрел псковское влияние. Именно в Пскове была «достаточно богатая умственная жизнь, духовная почва, чтобы могли развиваться идейные богословские поиски»¹⁶.

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Андреев Н. Е. Иоанн Грозный и иконопись XVI века // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1938. Т. X. С. 189.

¹⁶ Там же. С. 197.

Н. Е. Андреев справедливо полагал, что сам Грозный не определил характера иконописи своего времени, но, благодаря имперскому характеру его политики, «новые иконописные темы перешли в Москву, здесь утвердились и отсюда <...> быстро распространились по всему Московскому государству»¹⁷.

Под влиянием иконописных курсов старообрядца П. М. Софронова, организованных в Институте имени Н. П. Кондакова в середине 1930-х гг., Н. Е. Андреев увлекся историей иконописи в период церковного раскола XVII в. В конце 1930-х гг. на заседании Института имени Н. П. Кондакова он прочел доклад об иконографических взглядах протопопа Аввакума¹⁸.

В 1938 г. Н. Е. Андреев совершил вторую и, как оказалось, последнюю поездку в Псково-Печерский монастырь. На этот раз ее главной целью было углубленное знакомство с архивом и библиотекой монастыря. Он смог окончательно убедиться в своем предположении об огромном внимании Москвы к монастырю в XVI в.

В 1938 г. закончилась исследовательская стипендия Андреева. В преддверии войны чехословацкому правительству было уже не до русских эмигрантов. К тому же среди самих «кондаковцев» произошел глубокий раскол. Часть из них настаивала на переводе Института в Белград, где он должен был получить финансовую поддержку от югославского принца Павла. Другая же часть, которую представлял и Н. Е. Андреев, настаивала на продолжении работы в Праге. В конечном итоге, его твердая позиция спасла замечательную научную организацию от окончательного распада, и в начале 1939 г. он возглавил ее.

Тяжелыми испытаниями для Института обернулись годы Второй мировой войны. Исключительно благодаря мудрому руководству Н. Е. Андреева, он не был закрыт нацистами. В тяжелые годы оккупации, гонений на славянскую культуру ему чудом удавалось продолжать научную работу. Так, он совместно с художником Е. Е. Климовым проводил расчистку древнерусских икон.

В мае 1945 г., после освобождения Чехословакии Советской Армией, Н. Е. Андреев был арестован СМЕРШем, хотя содействия оккупантам никогда не оказывал. Два года провел он в заключении. В 1947 г. все подозрения с ученого были сняты, но вернуться в Прагу ему не разрешили.

Во время недолгой работы (1947–1948) в Славянском семинаре Берлинского университета под руководством знаменитого М. Фасмера Н. Е. Андреев опубликовал обобщающую статью о путях развития

¹⁷ Там же. С. 198.

¹⁸ См.: Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Т. 1. С. 331–332; Т. 2. С. 26–28.

русской иконописи¹⁹. В 1948 г., получив приглашение на работу из Англии, он переехал в Кембридж, где и прожил до конца своей жизни.

В Англии Н. Е. Андреев продолжил свои занятия древнерусским искусством. Но он был оторван от необходимых ему книжных и иконописных собраний, что значительно затрудняло работу. В то же время, именно в кембриджский период он выступил автором «масштабных культурологических и искусствоведческих трудов», принесших ему «не только уважение коллег-специалистов, но и устойчивую популярность всех интересующихся историей русской культуры на Западе»²⁰.

В 1950-е гг. Н. Е. Андреев занят изучением памятников русской литературно-публицистической мысли XVI в., отразивших особый ход идейной жизни Московской Руси. Он публикует обстоятельное исследование о письмах А. М. Курбского Вассиану Муромцеву²¹, о послании старца Филофея Ивану Васильевичу²², в котором доказывает, что его адресатом был не Иван IV, а Иван III. Не забывает Н. Е. Андреев и о давнем интересе к Псково-Печерскому монастырю, которому он посвятил большую культурологическую статью²³.

Н. Е. Андреев устанавливает контакты с советскими учеными, ведет с ними переписку, публикует рецензии на работы видных исследователей — Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова, А. А. Зимина и др. Его труды знают и высоко ценят ведущие советские искусствоведы — В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова и др. Н. Е. Андреев гордился тем, что в 1962 г. его статья была опубликована в «Трудах Отдела древнерусской литературы»²⁴.

В начале 1960-х г. Н. Е. Андреев вновь обратился к истории русского религиозного искусства в годы церковного раскола XVII в., интерес к которому возник у него еще в 1930-е гг. на иконописных курсах П. М. Софронова и после знакомства со старообрядцами в Эстонии. Как результат, в 1961 г. в сборнике в честь французского слависта профессора Пьера Паскаля Н. Е. Андреев опубликовал небольшую по объему, но глубокую по содержанию статью о взглядах на иконопись протопopa Аввакума и

¹⁹ *Andreyev N.* Aus der Geschichte der russischen Ikonenmalerei // *Der Blick in die Wissenschaft.* Berlin, 1948. Т. 7.

²⁰ *Носов С. Н.* Проблемы истории русской культуры в трудах Н. Е. Андреева // *Труды Отдела древнерусской литературы.* 1992. Т. 45. С. 439.

²¹ *Andreyev N.* Kurbsky's letters to Vas'yan Muromtsev // *Slavonic and East European Review.* L., 1955. Vol. 33. № 31. P. 414–435.

²² *Andreyev N.* Filofey and his epistle to Ivan Vasil'yevich // *Slavonic and East European Review.* L., 1959. Vol. 38. № 90. P. 9–31.

²³ *Andreyev N.* The Pskov-Pechery monastery in the XVI century // *Slavonic and East European Review.* L., 1954. Vol. 32. № 79. P. 318–343.

²⁴ *Андреев Н. Е.* Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // *Труды Отдела древнерусской литературы.* 1962. Т. 18.

патриарха Никона. Исследователь показал, что оба они смотрели на иконописание одинаково, оба были сторонниками византийской традиции и отрицали реалистические тенденции в искусстве, шедшие в Россию с Запада. В своей деятельности Никон не мог уклониться от вопросов церковного искусства. Он боялся проникновения религиозных идей с Запада, поэтому в живописи отстаивал традиционное понимание иконописных изображений. Аввакум также защищал традиционные иконографические каноны. Но противники новшеств предпринимали всего лишь бессильные попытки удержать «российскую иконопись в пределах границ, которые сама российская жизнь уже отмела»²⁵.

В 1967 г. в сборнике в честь семидесятилетия Р. Якобсона появилась своего рода итоговая статья Н. Е. Андреева «Литература и иконопись: к истории идей в Московской Руси», в которой он обобщал опыт многолетних научных изысканий. Андреев отстаивал мысль, что в религиозной живописи всегда сначала возникает текст, а сама живопись по отношению к нему вторична, если же она «отходит от этого, то превращается в живопись»²⁶. Пересмотрев и уточнив взгляды своих предшественников, он пришел к выводу, что мистико-дидактические композиции в русской религиозной живописи возникли не под влиянием византийской традиции, но как результат теоретических рассуждений русских книжников XV—XVI вв.²⁷

Андрееву не суждено было написать обобщающих работ по истории русского средневекового искусства. Этому помешал вынужденный отъезд из Праги, недоступность русского иконографического материала, необходимых для работы книг и т. д. В 1978 г. неудачная глазная операция практически лишила ученого зрения и не позволила ему написать монографию «Россия в XVI в.», в которой он намеревался обобщить многолетние результаты исследований в области русского искусства и культуры. Всеми силами он пытался продолжать научную работу, публиковал небольшие рецензии и отзывы. Однако ни одной новой его работы по истории русского искусства больше не появилось. Н. Е. Андреев скончался в Кембридже 25 февраля 1982 г.

Научное наследие Андреева обширно и многогранно. Но при этом на протяжении всей своей жизни он оставался верен своей излюбленной теме — истории русской религиозной живописи. Как писал первый в нашей стране исследователь андреевского творчества С. Н. Носов, «русская

²⁵ *Andreyev N. Nikon and Avvakum on icon-painting // Revue des Études Slaves. P., 1961. T. 38: Mélanges Pierre Pascal. P. 44.*

²⁶ *Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 25.*

²⁷ Там же. С. 26.

иконопись всегда рассматривалась ученым прежде всего как отражение общедуховного и даже идеологического лика древнерусского общества, а эволюция иконописного искусства — как выражение социально-культурного развития России»²⁸. Н. Е. Андреев изучал иконопись на фоне развития религиозной, политической, социальной мысли. Она была для него «средневековой философией в цвете». Православная иконографическая традиция рассматривалась им как живой организм, находящийся в состоянии непрерывного развития. В искусствоведческом творчестве Н. Е. Андреева соединился глубокий интерес к истории западного влияния и византийского наследия в русском искусстве.

В своем научном творчестве Н. Е. Андреев всегда пытался понять влияние переломных и кризисных эпох на развитие культуры и искусства. Он обозначал XVI в. как важнейший период русской истории и как особый этап в развитии русского религиозного искусства. В этот период происходило переосмысление прежних канонов, нарождалась новая струя иконописи, «стремившаяся к сложным темам, к символизации изображений, к своеобразному богословскому раздумью»²⁹. Западные традиции постепенно проникали — намеренно или бессознательно — в православную иконографию, разрушая привычную замкнутость русского искусства, выросшего на почве византийской идеологии. Н. Е. Андреев писал, что «общий рост могущества Московской державы, канонизация ряда русских святых, великодержавные стремления Москвы, отражавшиеся и в живописи, — все это, несомненно, способствовало расширению и обновлению содержания также и иконописи»³⁰. При этом решающее влияние на церковное искусство оказала победа иосифлян, пошедших на союз с московской автократией.

Н. Е. Андреев еще в студенческие годы заявил о себе как незаурядный исследователь. За свою жизнь он создал множество работ по истории русского искусства, культуры и литературы. Ценность искусствоведческого наследия Н. Е. Андреева определяется не только глубиной его работ, но и тем, что ими он обозначил новые исследовательские пути, которые еще ждут своего разрешения.

На закате жизни, размышляя над своим творческим путем, Н. Е. Андреев скромно заметил: «Я увидел, сколько не знают многие мои предшественники и сколько не знаю я сам»³¹. Я не погрешу против истины, если замечу, что Н. Е. Андреев не реализовал полностью своего научного

²⁸ Носов С. Н. Проблемы истории русской культуры... С. 440.

²⁹ Андреев Н. Е. О «деле дьяка Висковатого». С. 237.

³⁰ Андреев Н. Е. Инок Зиновий Отенский... С. 276.

³¹ Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Т. 2. С. 25.

потенциала. Сам он признавался, что так и не смог воплотить в жизнь всех намеченных планов. Да и способен ли вообще был сделать это ученый-эмигрант, насильственно оторванный от Родины? Ответ на этот вопрос вполне очевиден. Тем не менее его научное творчество поражает своим многообразием. Эмигрантское бытие наложило на него глубокий отпечаток. Оторванный от Родины исследователь всю жизнь оставался ревностным пропагандистом русской культуры на Западе. Можно согласиться со словами С. Н. Носова, который собирательно охарактеризовал творчество Андреева как «романтическую культурологию, как попытку научной материализации мечты о России — утраченной родины, ставшей своего рода исторической верой»³².

Остается лишь сожалеть, что на Родине Андреева так и не переиздана ни одна из его научных работ (за исключением небольшого отрывка из докторской диссертации). Хочется верить, что в преддверии столетия со дня рождения блестящего исследователя эта досадная ошибка будет исправлена.

³² Носов С. Н. Проблемы истории русской культуры... С. 439—440.